

военной службы, по приходѣ на родину, первымъ долгомъ явился къ священнику и усердно просилъ принять его въ лоно Православной Церкви.

Внимательно выслушавъ искреннее желаніе Петра Максимова Уткина, о. Никулинскій исполнилъ его желаніе; вскорѣ онъ былъ исповѣданъ и 6-го января сего 1899 года былъ присоединенъ ко святой Церкви и приобщенъ Св. Хр. Таинъ. Съ какимъ усердіемъ онъ подошелъ ко св. чашѣ, и какъ благоговѣнно повторялъ онъ за священникомъ слова молитвы предъ святымъ причастіемъ! Такое чувство новоприсоединеннаго произвело на всѣхъ присутствовавшихъ глубокое впечатлѣніе. Народъ, расходясь изъ храма, не переставалъ говорить о совершившемся присоединеніи.

Священникъ В. Д. Добросердовъ.

(Некрологъ).

15-го января 1899 года, скончался Московской Иоанно-Предтечевской, на Малой Лубянкѣ, церкви, священникъ Владиміръ Димитріевичъ Добросердовъ. Покойный все время своего священнослуженія состоялъ при семь храмѣ и умеръ на 60-мъ году жизни.

Родился онъ въ селѣ Дмитровскомъ - Андреевскомъ, Звенигородскаго уѣзда, гдѣ отецъ его былъ мѣстной церкви діакономъ. Школьное обученіе онъ началъ въ духовномъ училищѣ, а окончилъ въ Виоанской семинаріи, откуда въ 1860-мъ году выпущенъ былъ со званіемъ студента. Покойный затѣмъ, почти въ теченіе всей своей остальной жизни, усердно уплачивалъ долгъ Церкви и обществу за полученное имъ образованіе, совмѣщая съ своею духовною службою учебную дѣятельность. По окончаніи курса въ семинаріи, онъ состоялъ учителемъ въ Московскомъ Мѣщанскомъ училищѣ — до своего посвященія въ санъ діакона въ 1864 году. Въ семь санѣ покойный Владиміръ Димитріевичъ въ первое время своей службы преимущественно былъ занятъ дѣлами церковными и приходскими, удѣляя лишь нѣкоторые свободные часы для частныхъ уроковъ. Но уже въ 1871 году онъ вступилъ въ должность преподавателя латинскаго языка въ Законоспаскомъ духовномъ училищѣ, въ которомъ и состоялъ до 1885 года, когда, по новому распредѣленію учебныхъ предметовъ между преподавателями, на него возложено было преподаваніе русскаго и славянскаго языковъ, вмѣсто латинскаго. Еще ранѣе, въ 1881 году, за достойное служеніе въ санѣ діакона и службу училищную онъ былъ рукоположенъ въ санъ священника.

Какъ въ приходѣ, такъ и въ училищѣ покойный о. Владиміръ Димитріевичъ пользовался общимъ уваженіемъ, какъ усердный и тактичный дѣтель и какъ добрый человекъ. Прихожане цѣнили его за учительность и за неослабое вниманіе къ ихъ духовнымъ нуждамъ, а ученики любили за его правдивость и уважали за умѣнье привлекать и возбуждать къ дѣлу всѣхъ въ классѣ. Духовно-училищная служба его окончилась въ 1891 году; но и послѣ того, почти до самой своей кончины, онъ не оставлялъ педагогическаго поприща, какъ духов-

ный пастырь — взявъ на себя преподаваніе Закона Божія въ одномъ изъ женскихъ учебныхъ заведеній.

Покойный, при своемъ христіански-благодушномъ взглядѣ на жизнь и при тѣхъ любви и уваженія, которыми пользовался за свою обходительность и доброту, былъ благополученъ вообще въ жизни, и въ своемъ семействѣ. Но случившаяся за четыре года до его кончины смерть его супруги отозвалась въ немъ тяжкимъ лишеніемъ. Съ этой поры и онъ какъ будто сталъ угасать и, удрученный въ послѣдніе годы тяжелою болѣзнію, незамѣтно приблизился къ своему концу... Конецъ этотъ былъ христіанскій, предваренный благодатнымъ напутствіемъ святыхъ Таинствъ!..

Ко гробу почившаго, еще до выноса его изъ дома въ церковь, поклониться его праху и помолиться о новопреставленномъ являлись многіе его почитатели: въ томъ числѣ — сослуживцы по духовному училищу, служащіе въ Духовной Консистоіи, въ которой почившій, какъ приходскій священникъ, исполнялъ обязанности по приводу къ присягѣ допрашиваемыхъ въ Консистоіи лицъ, — и др.

Погребеніе тѣла о. Владиміра было совершено 18 января. Литургію предъ отпѣваніемъ совершалъ мѣстный благочинный, Адриановскій протоіерей П. В. Рубинъ въ сослуженіи съ благочиннымъ Китайскаго сорока, Покровскаго собора протоіереемъ К. І. Богдавленскимъ и другими священниками.

Послѣ причастиаго стиха, священникомъ Знаменской, въ Переяславской слободѣ, церкви Коссинымъ произнесено было надгробное слово съ воспоминаніемъ о нѣкоторыхъ назидательныхъ свойствахъ жизни и дѣятельности почившаго. Собраніе духовенства было особенно значительно при отпѣваніи тѣла, которое затѣмъ, въ закрытомъ гробѣ, въ преднесеніи священнослужителями св. иконъ, было препровождено для погребенія на Даниловскомъ кладбищѣ... Память о почившемъ іереѣ Владимірѣ да будетъ жива въ сердцахъ всѣхъ его знаемыхъ: особенно же да творятъ съ молитвою о немъ память бывшіе ученики его, изъ которыхъ многіе въ храмахъ предстоятъ престолу Божию...

Слово при погребеніи священника Московской Иоанно-Предтечевской, на Малой Лубянкѣ, церкви Владиміра Димитріевича Добросердова.

Для собрата нашего, предстоятеля сего св. храма — іерея Божія — Владиміра, наступила великая, торжественная чреда преставленія отъ здѣшняго, привременнаго бытія въ другую, нескончаемую жизнь, — чреда, которая ждетъ и насъ со всѣми земнородными!... Тихо, но постепенно, не внезапно нашелъ на него послѣдній часъ смертный. Почившій къ нему уже давно готовился: тяжкая, изнурительная болѣзнь, продолжавшаяся не одинъ годъ незамѣтно приближала его ко гробу и заставляла быть на стражѣ смерти. И для насъ отшествіе изъ сего міра нашего собрата не представляется неожиданнымъ или чрезвычайнымъ событіемъ, какъ и вообще смерть не есть новое, нарушающее установившійся порядокъ вещей, явленіе!... Не съ самаго ли

рожденія нашего надъ главами нашими слышится неизбѣнный приговоръ: *земля еси и въ землю отъидеши?* Не съ началомъ ли своей жизни тѣло наше воспринимаетъ зародыши разныхъ болѣзней, ослабляющихъ и сокрушающихъ его жизнеспособность, останавливающихъ дѣятельность и преграждающихъ, наконецъ, самое его существованіе? *Мы теряемъ лѣта наши, какъ звукъ. Дней лѣтъ нашихъ семьдесятъ лѣтъ, и при большей крѣпости восемьдесятъ лѣтъ; и самая лучшая пора ихъ—трудъ и болѣзнь* (Псал. LXXXIX, 10).

Если такъ, то какъ намъ, кажется, не освоиться со смертію, не привыкнуть прямо смотрѣть ей въ глаза, — даже какъ не считать ее благодѣтельницею, избавляющею отъ тяготы и страданій жизни?!.. Но, однакожь, что такое жизнь, какъ не борьба со смертію, и кто изъ насъ, при видѣ новой ея жертвы, при видѣ бездыханнаго человѣка, не только намъ близкаго и дорогаго, но и незнакомаго, даже и врага нашего—кто изъ насъ останется равнодушнымъ? Чье сердце при этомъ, какъ теперь, какъ и всегда, болѣзненно не сожмется и не почувствуетъ гнетущей тоски?!.. Эта скорбь совершенно естественна и имѣетъ для себя полное оправданіе: она освящена слезами Самого Богочеловѣка І. Христа, Который плакалъ о Своемъ умершемъ другѣ, пришедши воскресить его, — плакалъ не только по чисто-человѣческому сочувствію и сожалѣнію о потерѣ друга, но и вслѣдствіе глубочайшей скорби о тяжкомъ паденіи человѣка и растлѣніи его природы, до котораго довелъ его грѣхъ, — плакалъ о грѣхѣ человѣческомъ, который—а не что иное—есть смерти жало!

Человѣку естественно скорбѣть объ умершихъ: его скорбь есть возмущеніе противъ разрушенія земной оболочки его духовнаго безсмертнаго существа. Но, вѣдь, само это существо безсмертно, оно не подлежитъ тлѣнію и разрушенію! Съ разрушеніемъ земной храмины его, бытіе его продолжается въ другомъ состояніи, свободномъ отъ узъ тѣла, до новаго съ нимъ соединенія... Поэтому, не запрещая намъ отдавать слезами дань естеству при разлукѣ съ умирающими, слово Божіе въ тоже время ограничиваетъ нашу скорбь: оно заповѣдуетъ намъ *не скорбѣть, якоже немощнымъ упованія* (1 Сол. IV, 13), т. е. язычникамъ. Изъ того же Божественнаго источника ученія мы знаемъ, *яко аще земная наша храмина тѣла разорится, созданіе отъ Бога имамы, храмину нерукотворенну, вѣчно на небесахъ. Ибо о семъ воздыхаемъ, въ жилище наше небесное облещися желаяще* (2 Коринѣ. V, 1—2). Господь І. Христосъ, приготовляя Своихъ учениковъ къ Своимъ страданіямъ и затѣмъ — къ отшествію изъ сего міра, сказалъ имъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ вѣрующимъ въ Него: *Въ дому Отца Моего обители многи суть... Иду уготовати мѣсто вамъ* (Іоан. XIV, 2). Вотъ гдѣ человѣку предназначено вѣчное жилище, вотъ гдѣ сокрыто для него сокровище нетлѣнное и неувядаемое (1 Петр. I, 4), и вотъ гдѣ онъ долженъ витать своимъ сердцемъ (Мѣ. VI, 21), еще переходя кратковременное земное поприще и взыскую грядущаго града (Евр. XIII, 14).

Кто правиломъ симъ жительствуетъ (Гал. V, 16),

кто живетъ вѣрою въ Сына Божія, нашего Спасителя, возлюбившаго насъ и предавшаго Себе по насъ (Гал. II, 20), кто живетъ, сообразуясь ученію и жизни Его, — тотъ уже на землѣ вкушаетъ миръ и осбняется милостию и благодатію Божіею: онъ не только на смерть смотритъ безъ страха, говоря: *мнѣ еже жити Христосъ и еже умерти приобрѣтеніе* (Филпп. I, 21), но и жизнь свою располагаетъ такъ, какъ-бы она протекала въ предверіи рая. Онъ, и находясь въ нашей земной юдоли, *смотритъ не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вѣчно* (2 Кор. IV, 18), — и мудро опредѣляетъ отношенія настоящей временной жизни къ будущей вѣчной. Для такихъ людей нѣтъ въ жизни лишений и несчастій, которыя бы приводили ихъ на край отчаянія, нѣтъ и такой высоты счастья, съ которой бы они позволяли себѣ надмѣнно и презорливо относиться къ обездоленнымъ братьямъ; дары земнаго счастья они употребляютъ въ славу Божію и съ радостію дѣлятся ими съ нуждающимися; природныя свои силы и таланты не зарываютъ, а приумножаютъ и также употребляютъ на пользу общую; *умлѣютъ жить въ избыткѣ, умлѣютъ жить и въ лишеніи*; скромно и неустанно трудятся, побуждаемые къ своей полезной дѣятельности не столько мірскими почестями и наградами, сколько стремленіемъ къ почести горняго званія (Филпп. III 14). *Снисканіе велие есть благочестіе съ довольствомъ* (1 Тим. VI, 6), — вотъ правило жизни у такихъ людей, — и тихій свѣтъ ихъ внутренняго, не ослѣпляющаго своимъ блескомъ счастья, разливаясь вокругъ, благотворно отражается и на окрестъ живущихъ, сообщая и имъ свое согревающее дѣйствіе.

Къ числу таковыхъ людей, — скажемъ мы не въ похвалу отъ насъ нашему почившему собрату: — ибо онъ не нуждается въ нашей похвалѣ, представши теперь на неліцеприятный судъ Божій, — но въ наше утѣшеніе и назиданіе, — къ числу таковыхъ людей принадлежалъ и почившій собратъ нашъ іерей Владиміръ. Пресѣвшая жизнь его не заключала въ себѣ какихъ либо громкихъ дѣлъ и заслугъ предъ міромъ людей, не отличалась и какими либо виѣшними преимуществами земнаго счастья. Но въ христіанскомъ смыслѣ это была жизнь поистинѣ благополучная, какъ жизнь, преданная Богу и Его всеблагому промыслу. — И какъ почившій достигалъ этого? Прежде всего своими трудами во славу Божію и на пользу ближнихъ. Онъ любилъ трудиться съ раннихъ лѣтъ до конца жизни. Въ отрочествѣ и юношескихъ лѣтахъ онъ самъ проходилъ не кратковременный курсъ ученія, а какъ только окончилъ свое духовное образованіе — и окончилъ его не безъ успѣха, — онъ, еще до принятія духовнаго сана, сталъ трудиться надъ обученіемъ другихъ. Потомъ, онъ былъ посвященъ въ санъ діакона для служенія въ семъ святомъ храмѣ, — при которомъ онъ священнослужительствовалъ всего около 35 лѣтъ. Еще въ санѣ діакона онъ, какъ опытный наставникъ, приглашенъ былъ преподавать и преподавалъ одинъ изъ древнихъ языковъ въ духовномъ училищѣ и затѣмъ несъ учебные труды почти до конца жизни. Когда уже болѣе, чѣмъ преполовились дни его

жизни, онъ былъ возведенъ въ санъ священника и это высокое служеніе совершалъ со тщаніемъ и благоговѣніемъ, — каковыя качества и достоинства его неоднократно выставлялись на видъ; но покойный не искалъ похвалъ и отличій отъ людей, совершая свое служеніе предъ Всевидящимъ Богомъ, Который воздастъ Своимъ вѣрнымъ служителямъ въ день праведнаго Своего мздовоздаянія.

При всей скромности, дѣятельность почившаго не была скудна дѣлами благими, — въ частности вспоможеніемъ отъ него, хотя и весьма ограниченнымъ, достатковъ нуждающейся братіи, особенно сродникамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ только онъ сталъ имѣть собственныя средства къ жизни, до конца ея около него ютились и отъ него получали содержаніе многочисленныя въ его родствѣ бѣдняки. Покойный, при всей ограниченности своихъ средствъ, при собственныхъ нуждахъ, находилъ возможность дѣлиться со всѣми, кто по тѣмъ или другимъ отношеніямъ обращался къ нему за помощью и милостынею. И нужно отдать ему справедливость — онъ дѣлалъ это, не только не отягощаясь внутренно самъ и не отягощая притомъ другихъ, но и находилъ въ томъ искреннее удовольствіе, — какъ это и должно быть съ каждымъ истинно добрымъ человѣкомъ и христіаниномъ. Достойною соучастницею почившаго въ добротолубіи была его супруга, которой онъ лишился за четыре года до его смерти. Лишеніе это было невознаградимою потерей при его невзросшихъ еще дѣтяхъ; но и это лишеніе онъ переносилъ съ христіанскимъ мужествомъ, какъ крестъ, посланный отъ Промыслителя, дарствующаго намъ все полезное къ созиданію нашего духовнаго блага и спасенія. Для знавшихъ его перемѣна, происшедшая въ немъ отъ лишенія подруги жизни, сказала въ томъ, что взглядъ его сталъ вдумчивѣе и сосредоточеннѣе: мысль куда-то переносилась и чего-то искала горь! Утѣшеніе онъ искалъ и находилъ теперь еще болѣе, чѣмъ прежде, въ храмѣ Божиѣмъ и видимо приготовлялся къ своей кончинѣ, предчувствіе которой болѣе и болѣе въ немъ усиливалось съ обострившимся недугомъ. Чтобы возвратитъ здравіе тѣлу и укрѣпить падавшій духъ, онъ, какъ могъ, часто прибѣгалъ къ спасительному врачевству, преподаваемому въ св. таинствѣ причащенія, для чего священнодѣйствовалъ самъ и, когда уже не могъ это дѣлать одинъ, участвовалъ въ совершеніи Божественной службы, для приобщенія Тѣла и Крови Христовыхъ вмѣстѣ съ другимъ священнодѣйствующимъ. Предъ кончиною своею онъ, для утѣшенія и ободренія своего, просилъ молитвъ о немъ у своихъ собратій. Такъ онъ отошелъ въ вѣчную жизнь съ вѣрою въ нашего Искупителя и Мздовоздаятеля, предъ Которымъ совершалъ свое служеніе и несъ подвигъ жизни, — и мы дерзаемъ надѣяться, что Милосердый Господь не отринетъ Своего вѣрнаго раба во царствіи Своемъ и сопричтетъ его къ лику Своихъ избранныхъ. А чтобы укрѣпить и окрилить сію надежду нашу предъ нашимъ Господомъ Спасителемъ мы — братія и вмѣстѣ съ нами духовныя чада почившаго пастыря и отца, за которыхъ онъ возносилъ свои молитвы и совершалъ безкровную жертву въ семь св. храмѣ, —

вознесемъ теперь и не перестанемъ возносить и впредь наши усердныя моленія о упокоеніи раба Божія, новопреставленнаго іерея Владиміра, въ селеніяхъ праведныхъ. — Аминь.

Изъ села Зюзина, Богородскаго уѣзда.

Празднованіе пятидесятилѣтія служенія въ санѣ священника.

(Корреспонденція).

Въ субботу, 30-го января, въ Богородицерожественской церкви, въ селѣ Зюзинѣ, Богородскаго уѣзда, происходило скромное торжество. Праздновалось пятидесятилѣтіе служенія при этой церкви въ санѣ священника ея настоятеля, священника Сергія Іоанновича Ключарева. На это торжество прихожанами означенной церкви было испрошено разрѣшеніе преосвященнаго Тихона, епископа Можайскаго. Празднованіе началось поздней литургіей, начавшейся въ 9 часовъ утра, которую совершали: самъ юбиляръ священникъ С. І. Ключаревъ и духовныя дѣти его: священникъ села Сѣченокъ, Бронницкаго уѣзда, Н. И. Величинъ и погоста Лужковъ, Бронницкаго уѣзда, священникъ И. М. Поповъ, съ діакономъ Соколовымъ. Стеченіе молящихся въ храмѣ было очень большое; кромѣ мѣстныхъ прихожанъ, на торжество многіе пришли изъ сосѣднихъ приходоуѣздовъ. По окончаніи литургіи, священнослужители вышли на середину храма для совершенія благодарственного молебствія. Діаконъ прочиталъ съ амвона прошеніе прихожанъ Богородицерожественской церкви къ преосвященному Тихону о разрѣшеніи, что и разрѣшено, празднованія пятидесятилѣтія священнической службы при ихъ храмѣ настоятеля съ поднесеніемъ ему иконы. Послѣ того, прихожанинъ д. Копнина М. М. Александровъ прочиталъ отъ лица всѣхъ прихожанъ благодарственный адресъ, и просилъ принять отъ прихожанъ, въ знакъ ихъ признательности, икону преподобнаго Сергія, которую и подалъ юбиляру церковный староста С. Герасимовъ. Принявъ изъ рукъ старосты св. икону, о. Сергій отвѣчалъ прихожанамъ глубоко-прочувствованною сердечною рѣчью, въ которой, воздавъ благодареніе Богу за продленіе своей жизни, высказалъ, «что пастырскіе труды его были слѣдствіемъ любви и привязанности къ прихожанамъ, что, прослуживши полстолѣтія въ одномъ приходѣ, онъ какъ бы сроднился съ ними». Затѣмъ отъ мѣстнаго причта, былъ поднесенъ ему служебникъ и просфора. Духовнымъ сыномъ юбиляра, священникомъ села Сѣченокъ о. Величинымъ сказана была юбиляру краткая, сердечная рѣчь, въ которой онъ обрисовалъ маститаго старца, какъ образецъ смиренія.

«Свидѣтельствуюсь, говорилъ о. Величинъ, моими собратами и твоими прихожанами, что смиреніе было и есть, такъ сказать, присуще тебѣ: какія обиды, какія непріятности, вражда, зависть, ненависть падали на тебя, и что же? Любимая поговорка твоя: оставьте... Господь съ ними... Мало того, что ты самъ — олицетворенное смиреніе, ты и насъ научилъ и учишь самымъ дѣломъ послѣдовать тебѣ». Послѣ сего, начался благодарственный молебенъ, по окончаніи котораго провоз-